

Русский вестник

Том 163

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Р89

Р89 Русский вестник: Том 163 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 1020 с.

ISBN 978-5-4241-4836-1

ISBN 978-5-4241-4836-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

подъ шляпы выбивались густыя пряди темныхъ, живописно растрепавшихся волосъ кругомъ правильнаго, строго-овальнаго и блѣднаго лица. Надъ большими, цвѣта aquae marinae глазами рѣзко выдѣлялись отъ этой блѣдности кожи тонкія, какъ говорится, въ ниточку, дуги почти совершенно черныхъ бровей... „Берегись женщины блѣдной, черноволосой и голубо-глазой“, говорятъ въ Иславіи...

Она курила и ждала, упершись взглядомъ въ растворенную дверь храма, откуда доносилось до нея уныло торопливое шамканье стараго дьячка.

Такъ прошло съ четверть часа.

Но вотъ на проросшую травой каменную лалерть вышелъ изъ церкви бѣлокурый, статный молодой человекъ лѣтъ тридцати съ чѣмъ-то, съ пушистою свѣтлою бородкой и милосаднымъ выраженіемъ свѣжаго и нѣжнаго какъ у женщины лица. Онъ сразу замѣтилъ дѣвушку и, съ мгновенно засіявшимъ пламенемъ въ глазахъ, послѣшно сбѣжалъ со ступенекъ къ ней.

— Что жь это вы до богомольства уже дошли? съ какою-то холодною ѣдкостью насмѣшки спросила она его первымъ словомъ, не трогаясь съ мѣста.

Онъ покраснѣлъ, не находя отвѣта, смущенный не то вопросомъ, не то радостною неожиданностью встрѣчи съ нею.

— Да-съ, вотъ проѣзжали, зашли, возразилъ за него грубоватымъ тономъ вышедшій вслѣдъ за молодымъ человекомъ толстакъ среднихъ лѣтъ, въ черепашковыхъ очкахъ и просторномъ мушкетерскомъ пальто, — не мѣшало бы и вамъ, полагаю, зайти лобикъ перекрестить: завтра большой праздникъ, второй Спасъ...

— Ахъ, докторъ, это вы! перебила она его съ пренебрежительнымъ движеніемъ губъ, въ отвѣтъ на его замѣчаніе:— Вы къ намъ? Сестра послала къ вамъ сегодня нарочно...

— Да-съ; посмотримъ вотъ на него, посмотримъ... Новые симптомы какіе-нибудь замѣтили?

— Все то же!.. Возбужденъ очень былъ вчера вечеромъ, ночью никому спать не далъ...

Толстакъ скорчилъ гримасу:

— Ну, и требовалъ?..

— Само собою!

— И дали?.. Сколько?

— Не знаю, спросите сестру... Я въ это не вмѣшиваюсь,— гадко! воскликнула она вдругъ съ отвращеніемъ, подымаясь со своей литы и направляясь за ограду.

— А на чьей это могилѣ изволили вы проклажаться между прочимъ? спросилъ, оглянувъ покинутое ею сидѣніе, все съ тою же гримасой на толстыхъ губахъ, докторъ, въ которомъ читатель, смѣемъ надѣяться, успѣлъ узнать знакомаго ему Николая Ивановича Өирсова.*

— Не знаю, отвѣтила она черезъ плечо,—кого-нибудь изъ доблестныхъ предковъ, надо полагать...

Онъ быстро и значительно поглядѣлъ на молодого человѣка, какъ бы говоря: „хороша, а?“ Тотъ подавилъ вырывавшійся изъ груди его вздохъ и опустилъ глаза.

— Прикажете, я васъ доведу, Автомина Дмитріевна? спросилъ ее Өирсовъ, когда они втроемъ вышли на дорогу гдѣ стоялъ экипажъ пріѣзжихъ.

— А Григорій Павловичъ какъ же? Въ этой таратайкѣ третьему мѣста нѣтъ.

— А Григорій Павловичъ маленько подождетъ меня... Я къ вамъ вѣдь не на долго-съ. Мы вотъ сплѣшимъ чтобы за свѣтло къ нимъ въ Углы послѣтъ: у Павла Григорьевича Юшкова олять подагра разыгралась.

Автомина Дмитріевна пронычески прищурилась на него:

— А я предлагаю вамъ ѣхать одному. Это будетъ удобнѣе для васъ... и для меня. А мы васъ съ Григоріемъ Павловичемъ подождемъ въ саду... Пойдемте, Григорій Павловичъ, проговорила она чуть не поведительно, двигаясь по краешку пыльной дороги.

Молодой человѣкъ послушно пошелъ за нею.

Докторъ досадливо поглядѣлъ ему во слѣдъ, но дѣлать было нечего: онъ крякнулъ, ввалился кое-какъ съ помощью кучера въ телѣжку, и покатилъ въ усадьбу.

— Вамъ запрещено къ намъ ѣздить? не замедляя шага и не глядя на своего спутника спросила его нежданно дѣвушка.

Ему точно кто плеснулъ водой въ лицо. Онъ вскинулъ на нее сверкнувшіе глаза, но сдержался.

— Я не мальчикъ на помочахъ, Автомина Дмитріевна,

* *Переломъ, часть IV.*

выговорилъ онъ насколько могъ спокойнѣе, — и вашъ вопросъ по меньшей мѣрѣ страненъ...

— И чтобы вы не вздумали ослашаться, къ вамъ даже менторъ приставленъ, продолжала она тѣмъ же тономъ, будто и не слышала вовсе его возраженія.

— Менторъ? кто это?..

— А вотъ этотъ Фальстафъ который васъ по заутренямъ юзить. Скажете—нѣтъ?

И она громко рассмѣялась:

— Какъ онъ это только придумалъ увезти меня чтобы спасти своего Телемака отъ соблазна, и какъ должно-быть бѣсится теперь что это ему не удалось!.. Какой отвѣтъ въ самомъ дѣлѣ будетъ онъ теперь Троекуровымъ держать?..

Досадою и тоскою отзывались эти *шпильки* въ душѣ молодого человѣка. На лицѣ его оказывалось страданіе.

— Къ чему говорите вы мнѣ этотъ... вздоръ? вырвалось у него девольно.

— Не „вздоръ“—это вы напрасно! Кому же не извѣстно что вы состоите на положеніи любимчика у здѣшняго великаго *генерала*, насмѣшливо подчеркнула она, — и что вы имъ предназначаетесь въ мужа его Машеньки? Онъ поэтому, какъ дальновидный господинъ, и счелъ нужнымъ установить нравіе наблюденіе за вашею *moralité*.

— Ничего подобнаго нѣтъ и не бывало! горячо протестовалъ Юшковъ: — Машенька Троекурова—пятнадцатилѣтняя еще дѣвочка, родителямъ ея вѣроятво и въ голову до сихъ поръ не приходило думать о ея замужествѣ.. И не такіе они люди вообще чтобы загадывать объ этомъ заранѣе... Я эту семью глубоко уважаю и люблю, Антонина Дмитриевна, постыжись онъ прибавить вѣско, въ очевидномъ намѣреніи неopusкать ее продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ, — а Борису Васильевичу лично многимъ обязанъ...

— Какъ же, слышала, невозмутимо объяснила она: — отъ *генераловъ* спасъ когда-то и вигилиста обратилъ въ вѣрно-подданнаго и „блюстителя основъ“, какъ говоритъ Щедринъ. Юшковъ вслыхнулъ до самыхъ волосъ. Онъ разсердился не на шутку.

— Вы напрасно думаете уколоть меня вашими насмѣшками, проговорилъ онъ дрожащимъ отъ внутренняго возбужденія голосомъ, — а убѣжденія мои не почитаю нужнымъ оправдывать ни предъ кѣмъ.

Она обернулась къ нему и широко улыбнулась:

— Я васъ объ этомъ и не прошу. Какое мнѣ дѣло до вашихъ, да и до чьихъ бы ни было „убѣжденій“? У меня у самой ихъ никакихъ нѣтъ.

Улыбка у нея была прелестна, а низкій гортанный голосъ, мягкій и прощающій, такъ и просился въ душу молодого человѣка. Гнѣвъ его стихъ мгновенно.

— Мнѣ никто не „запрещаетъ“ и запретить не можетъ бывать у васъ, Антолина Дмитриевна, началъ онъ чрезъ минуту съ замѣтною уже робостью и прерывался въ рѣчи,—но, признаюсь вамъ, я самъ... удерживаюсь, и еслибы не встрѣтилъ васъ сейчасъ, я... дѣйствительно... я не вошелъ бы къ вамъ, въ домъ, а дождался бы вотъ тутъ, у церкви, пока Николай Ивановичъ не вернулся бы отъ вашего батюшки...

— Очень любезно! Почему же это такъ, можете отвѣтить?

— Вы сами знаете...

— Что я знаю?

— То что вамъ до меня никакого дѣла нѣтъ.

— Нѣтъ, медленно промолвила она, — я люблю такихъ... *несинихъ* какъ вы.

Онъ готовъ былъ разсердиться опять...

— Это я вамъ не въ укоръ говорю, усложнительно добавила она:—напротивъ! Сама я можетъ-быть чувствовала бы себя счастливѣе еслибы могла, вотъ какъ вы, во что-то вѣрить, чему-то *служить*...

— Да развѣ безъ этого, скажите, можно жить? съ оттѣнкомъ чуть не отчаянія перебилъ онъ ее.

— Вотъ какъ видите, засмѣялась она, выпрямляясь вся, словно для того чтобы дать ему возможность оцѣнить весь безукоризненный складъ ея роскошнаго облика,—и даже желѣзнымъ здоровьемъ пользоваться при этомъ.

Онъ бессознательнымъ движеніемъ схватился за голову.

— Зачѣмъ напускаете вы на себя такой цинизмъ, Антолина Дмитриевна!

Она положила плечами:

— Кто же вамъ сказалъ что я „напускаю на себя“, во-первыхъ; и почему правда, по вашему,—„цинизмъ“?

— Да развѣ можно такъ думать въ ваши годы, съ вашею наружностью... при вашемъ умѣ, наковецъ? пылко воскликнулъ онъ;—неужели „ничего во всей природѣ“, какъ сказалъ Пушкинъ, благословить вы не хотите?

— Ни кто и ни что „во всей природѣ“ въ благословеніи мнѣ не нуждается, провически возразила она на это.

— Вѣдь это ужасно! продолжалъ онъ горячиться.—Я перую такую какъ вы дѣвушку—женщину вообще—встрѣчаю въ жизни. И я не хочу вѣрить, не вѣрю чтобъ это было истинно... Нѣтъ въ мірѣ, даже въ животномъ мірѣ, существа которое могло бы обойтись безъ привязанности, безъ ласки... безъ любви.

— На языкѣ науки то что называете вы „любовью“ имѣетъ другое имя, безпощадно отрѣзала она въ отвѣтъ:—вы напрасно о „животномъ мірѣ“ упомянули. Физиологія не допускаетъ произвольныхъ фантазій вашей *эстетики*.

Онъ не отвѣчалъ: это было уже слишкомъ рѣзко, слишкомъ „цинично“, дѣйствительно...

Она стояли теперь предъ ровомъ окаймлявшимъ старый, пространный и залущенный садъ усадьбы ея отца. Ровъ услѣю уже почти до верху завалить отъ времени и неприсмотра Люди и животныя ближайшихъ деревень равно безпрепятственно проникали чрезъ него для всякой своей потребности въ этотъ „барскій“ садъ,—разбитый при Елисаветѣ искуснымъ въ своемъ дѣлѣ Французомъ, выписаннымъ изъ Версаля тогдашнимъ владѣльцемъ Юрьева, генералъ-поручикомъ Артеміемъ Ларионовичемъ Буяновымъ, сподвижникомъ Апраксина и Ласси въ Семилѣтней Войнѣ,—и распоряжались въ немъ на полной своей волюшкѣ: лоѣдали и выталтывали молодую поросль, сдирали кору съ липъ и березъ, рубили на вѣники сиреневые кусты... Слѣды старыхъ аллей давно исчезли; ихъ замѣнили замѣвшіяся во всѣ стороны тропинки, проложенныя овцами и крестьянскими дѣтьми, бѣгавшими сюда, въ глу старой рутины, „по ягодки и орѣшки“ давно уже поывведенные здѣсь въ общемъ разорѣ... Угрюмо звенѣли псохлыя вершины, чернѣли при лоломаныхъ бурей или сваленныхъ наслѣхъ воровскимъ топоромъ вѣковыхъ деревьевъ; вытравленная скотомъ на луговинахъ трава выбивалась кое-гдѣ по низамъ приземистою, жидкою отавой...

Юшковъ вслѣдъ за Антониной Дмитріевной перепрыгнулъ черезъ ровъ и очутился съ нею въ саду. Она молча, бережливо и гадливо глядя себѣ подъ ноги, повела его извилистою тропинкой, по направленію къ видѣвшейся издали каменной скамьѣ, сѣрѣвшей подъ низкими вѣтвями коряваго стараго дуба.

— Знаете вы какъ называлось это мѣсто въ старину? спросила она вдругъ, дойдя до него и обарачиваясь къ своему спутнику.

— Не знаю.

— *Храмъ утѣлы.*

Онъ засмѣялся.

— Серіозно! Тутъ стояла, говорятъ, статуя Венеры, и наудренныя бабушки назначали здѣсь по ночамъ своимъ любезнымъ амурнымъ rendez-vous.

Молодаго человѣка снова покорило отъ этихъ словъ.

Она замѣтила это и надменно повела губами:

— Что, не понравилось выраженіе? *Malvais genre* находите?

— Нахожу некрасивымъ, да, твердо произнесъ онъ, — но меня еще болѣе возмущаетъ эта вѣчная злоба въ вашихъ рѣчахъ.

— Злоба! повторила она какъ бы неволью, олукаась на скамью, глянула ему прямо въ лицо и проговорила отчеканивая:

То сердце не научится любить
Которое устало ненавидѣть*.

Жуткое чувство охватило его вдругъ. Онъ точно въ первый разъ видѣлъ теперь эти глаза... Въ первый разъ, дѣйствительно, поражаало его въ соединеніи съ тѣмъ что выговорено было ею сейчасъ соответствующее выраженіе ея голубыхъ, съ мертвеннымъ блескомъ цвѣтнаго камня глазъ... „Тутъ все порѣшено и похоронено, тутъ ни лошады, ни возврата къ свѣту нѣтъ“, пронеслось у него въ мысли внезапнымъ и скорбнымъ откровеніемъ... По тѣлу его пробѣжала нервная дрожь; онъ сѣлъ подлѣ нея, провелъ себѣ рукой по лицу:

— Вы рѣшительно желаете упорствовать въ своемъ чело-вѣко- и міроненавидѣніи? сказалъ онъ насилуованно-шутливымъ тономъ.

— А вамъ бы очень хотѣлось помирить меня съ ними?

Онъ быстро поднялъ голову:

— Да, я долго делѣялъ въ душѣ эту надежду.

— А Троекуровъ что же... а ваши пуритане—отецъ и дядюшка—что бы сказали?

---

* Некрасовъ.

Она готовилась отвѣтить... Она остановила его движеніемъ руки:

— Нѣтъ, пожалуйста безъ объясненій, я знаю заранее все что можете вы мнѣ сказать. Это потеря словъ была бы одна...

— Позвольте однако, Антонина Дмитриевна, вскакинулъ она неудержимо, увосимый тѣмъ страннымъ, мучительнымъ обаяніемъ которое, несмотря ни на что, производила она на него,—я хотѣлъ только заявить что еслибы вы захотѣли...

— Вы бы не остановились ни предъ какимъ прелестствіемъ, договорила она за него:—знаю напередъ, я вамъ сказала И я на это отвѣчу вамъ со свойственнымъ мнѣ „циническимъ“, какъ вы выражаетесь. Я бы со своей стороны ни на что и ни на кого не поглядѣла еслибы выйти за васъ замужъ считала для себя выгоднымъ. Но я этого не нахожу.

Она перемигнувшись въ лицѣ, растерянно взглянулъ на нее...

Она обвела взглядомъ кругомъ:

— Вы видите это разореніе, нищету, мерзость? Мнѣ нужно по меньшей мѣрѣ полтораста тысячъ дохода чтобы вознаграждать себя за все то что выносила я до сихъ поръ среди этого.

— Я ихъ не могу вамъ дать! съ прорывавшимся въ голосѣ негодованіемъ выговорилъ Юшковъ.

— Я знаю, невозмутимо подтвердила она;—а Сусальцевъ повергаетъ ихъ къ моимъ ногамъ, промолвила она съ провинческимъ пафосомъ.

— Вы думаете идти за Сусальцева? чуть не крикомъ крикнулъ молодой человѣкъ.

— А что?

— Вѣдь это кулчана, человѣкъ инаго міра, инаго воспитанія!..

Она перебила его смѣхомъ:

— Сословные предрасудки en l'an du Christ dix huit cent quarante six, какъ выражается мой маркизъ лапаша? Вы прелесть свою наивностью, Григорій Павловичъ!..

— Вы правы, вскакинулъ онъ олять, вскакивая съ мѣста,— а явивень, а глауль,—а совсѣмъ глауль, чувствую! Предъ вашею реальностью мнѣ остается только смиренно преклониться, подчеркнул онъ съ какимъ-то ребяческимъ намѣреніемъ уколоть ее въ свою очередь.

Она и бровью не моргнула на это.

— Какъ жаль что сестра моя Настя не видитъ васъ въ этомъ прекрасномъ негодованіи, медленно проронила она;— она почитаетъ себя нигилисткой, но имѣетъ сердце чувствительное и питаетъ въ немъ тайное, но страстное обожаніе къ вамъ.

— Вашъ сарказмъ и сестру родную не щадить! возразилъ онъ досадило, морщась и краснѣя невольно.

— Напротивъ, это я изъ участія къ ней. А что вы непосадовательны, въ этомъ я не виновата.

— Чѣмъ „непоследователенъ“? недоумѣло спросилъ онъ.

— Вы такъ хлопчете о спасеніи, о примиреніи съ жизнью женскихъ душъ погибающихъ въ „отрицаніи“. Отчего же относитесь вы неотступно съ этимъ ко мнѣ,—къ *неисцѣлимой*, вы знаете,—а не попробуете тамъ гдѣ дѣйствительно, я вамъ отвѣчаю, „елей вашихъ рѣчей благоуханныхъ“ можетъ пойти въ прокъ... Или въ самомъ дѣлѣ, примолвила она, зорко остановивъ на немъ загадочный взглядъ,—олицетворяющееся во мнѣ зло имѣетъ такую неотразимую привлекательность для добродѣтельныхъ *эстетиковъ* какъ вы?

Юшковъ растерянно взглянулъ на нее — и не нашелъ еще разъ отвѣта...

II.

Ed or, negletto e vilipeso, giace
In le sue case, rover, vecchio e ciecco..
Machiavelli.

Докторъ Оурсовъ, между тѣмъ, въѣхавъ на *красный* дворъ усадьбы, давно поросшей травой и на которомъ ласлись теперь три тревоженныя чахлыя лошади, велѣлъ остановиться: предъ крыльцомъ длиннаго, каменнаго дома, съ такимъ жъ надъ середкой его каменнымъ мезониномъ, построеннаго въ томъ казарменномъ стилѣ *лициоль*, въ какомъ строилось все и вся въ русскихъ городахъ и селахъ въ Александровскую и Николаевскую архитектурныя влехи. Онъ осторожно слустилъ съ тележки свое громоздкое туловище и, приказавъ кучеру отъѣхать ждать его на большую дорогу къзади сада, прошелъ въ открытыя вѣстѣжъ сѣни, не совсѣмъ довѣрчиво ступая подошвами по разохшимся и разъѣжались мѣстами половцамъ. Сѣни вели въ огромную

бынную танцевальную залу съ безчисленнымъ количествомъ оконъ по длинѣ ея и ширинѣ, съ полуобвалившеюся штукатуркой росписаннаго букетами плафона и съ разбитыми стеклами взбухшихъ и загнившихъ рамъ, хлопавшихъ отъ сквознаго вѣтра съ трескомъ ружейнаго выстрѣла; вмѣсто всякой мебели стоялъ въ этой залѣ объемистый, нагруженный пудовыми булыжниками, катокъ для бѣлья и, отъ окна къ окну, подвезанныя концами къ задвижкамъ, тянулись веревки, на которыхъ просыхали какія-то женскія шепизетки. Двѣ, слѣдовавшія за залой, *гостинныя* представляли тотъ же видъ запущенности и разоренія: окна безъ занавѣсей, надтреснувшій отъ мороза долго нетопленныхъ зимой каминъ мраморъ подокозниковъ, выцвѣтшіе и порванные обои съ пробитыми въ обнаженномъ кирпичѣ дырами гвоздей изъ-подъ висѣвшихъ когда-то на нихъ цѣнныхъ зеркалъ и картинъ, давно событыхъ или хищнически забранныхъ въ чужія руки... Сборная, недостаточная по объему покоевъ мебель, увѣчные столы и стулья всякихъ эпохъ и видовъ мизерно лѣпились здѣсь вдоль панелей или кучились по угламъ беспорядочнымъ и безобразнымъ хламомъ, покрытымъ чернымъ, сплошнымъ слоемъ пыли къ которому годами не прикасалась человѣческая рука... Рядъ „пріемныхъ аппартаментовъ“, въ которыхъ очевидно давно уже никто не *приминался*, замыкала „боскетная“, служившая теперь жилищемъ мадѣльду этихъ развалинъ,—бывшему совѣтнику посольства, отставному камергеру и дѣйствительному статскому совѣтнику, Дмитрію Сергѣевичу Буйкосову.

Здѣсь было нѣсколько чище и удоболомѣстительнѣе. Комната оправдывала свое названіе „боскетной“ довольно хорошо сохранившимися на стѣнахъ ея старинными, теперь уже не находимыми болѣе нигдѣ, обоями, изображавшими древнегреческій пейзажъ, во вкусѣ Первой Имперіи, съ оливковыми рощами, аттическими храмами, стадами бѣлорунныхъ овецъ, пастушкѣми и пастушками лежащими обнявшись на зеленыхъ берегахъ голубыхъ ручьевъ. Раздѣлена она была по поламъ грубо крашеною подъ красное дерево, домодѣльною сосновою перегородкой, на которой навѣшано было въ почернѣлыхъ рамахъ нѣсколько фамильныхъ портретовъ: суровые или улыбающіеся лики лудреныхъ кавалеровъ съ лентами и звѣздами на форменныхъ, обшитыхъ галунами кафтанахъ... Такой же домодѣльный, длинный жесткій диванъ

крытый дешевымъ ковромъ, расположенъ былъ вдоль перегородки; продѣланная въ ней дверь вела въ заднюю, темную часть комнаты, уборную хозяина. Въ передней, кромѣ дивана, стояли старинный письменный столъ *Jacob* (краснаго дерева съ мѣдью), такое-же бюро со стоявшими на немъ англійскими часами Нортона, звонившими каждые четверть часа какимъ-то таинственно - серебрястымъ звономъ, и два, три древнія, глубокія кресла, обитыя порыжѣлымъ сафьяномъ. Темныя шторы завѣшивали на половину длины, въ четыре стекла вышины, окна выходившія въ садъ.

У одного изъ этихъ оконъ сидѣлъ теперь самъ больной въ ловенькомъ, изящномъ, о двухъ большихъ, легкихъ колесахъ, креслѣ-самокатѣ, обратившемъ первымъ дѣломъ вниманіе входившаго доктора:

— Съ обновкой! проговорилъ онъ веселымъ тономъ, оставившаяся на порогѣ комнаты:—давно-ли обзавелись?

— А, докторъ, здравствуйте! какъ бы нѣсколько свысока произнесъ Дмитрій Сергѣевичъ, уронилъ руки на колеса и двинулъ ими кресло свое шага на два впередъ;—да, вотъ видите, j'ai acquis le moyen de me remuer quelque peu.

— Изъ Москвы выписали?

— „Выписалъ“! захихикалъ онъ вдругъ горькимъ смѣхомъ:—un gueur comme moi, на какія деньги мнѣ... „вы-ли-сы-вать“? повторилъ онъ такимъ же ироническимъ и несомнѣмымъ твердымъ голосомъ:—милостивецъ одинъ, un bienfaiteur, преподнесъ мнѣ... въ давніе...

— Кто такой? допытывался любопытный какъ женщина провинціальный эскулапъ.

— Ну, этотъ здѣшній... le Rothschild de l'endroit, vous savez...

— Совсѣмъ не *savez*, засмѣялся тотъ,—не знаю про кого вы говорите.

— Ну, какъ же (и рука недужнаго невѣрнымъ движеніемъ махнула по воздуху)... Je ne puis jamais me mettre dans la tête ces fichus noms-là... Суз... Суздальковъ enfin! вскрикнулъ онъ чуть не радостно, словно поймавъ за хвостъ ускользавшее отъ него имя.

— Су-саль-цевъ, Провъ Ефремовичъ Суздальцевъ, протяжно отчеканивая поправилъ его изъ-за перегородки чей-то женскій голосъ.

— Суздальцевъ, c'est ça! закачалъ онъ утвердительно головой,—Провъ Ефимовичъ Суздальцевъ... Суздааль, une ville du